

ЧТО СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ ПОД ИСТОЧНИКАМИ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

© 2016 г. Евгений Афанасьевич Доля¹

В статье оспаривается необходимость введения в научный оборот, законодательство и практику доказывания по уголовным делам понятия “источники осведомленности”, отождествляемого с обстоятельствами совершенного преступления либо с соответствующими объективными факторами. Показаны методологическая несостоятельность предлагаемой интерпретации данного понятия, негативные последствия ее реализации на практике.

This article disputes the need of entering into scientific discussion, legislation and practice of proving in criminal cases of definition “the source of awareness” being identified with circumstances of crime or with respective objective factors. Methodological incapacity of suggested interpretation of this definition is displayed as well as negative consequences of its entering into practice.

Ключевые слова: доказательства, источники доказательств, источники осведомленности, доказывание.

Key words: evidences, sources of evidences, sources of awareness, proving.

В журнале “Советская юстиция” за 1983 г. (№ 8) была опубликована статья В.И. Зажицкого “Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании”, в которой предлагалось ввести в научный оборот, законодательство и практику понятие “источники осведомленности”, распространив его на все виды доказательств².

Полагая, что “выделение источника осведомленности в самостоятельное, общее для всех видов доказательств понятие следует считать вполне обоснованным и полезным”³, автор статьи рассуждал следующим образом: “прежде чем обладать фактическими данными, располагать ими, свидетели, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, авторы документов, а также” властные субъекты уголовно-процессуальной деятельности “должны воспринять соответствующие источники осведомленности”⁴. Исходя из того, что источники осведомленности образуются вследствие совершения преступлений, представляют собой обстоятельства и факты совершенного преступления⁵, он рассматривал источники осведомленности в качестве объективной основы, “на которой возникают, формируются фактис-

кие данные, являющиеся содержанием уголовно-процессуальных доказательств”⁶. Только “воспринимая эти источники осведомленности, лица и субъекты уголовно-процессуального доказывания становятся носителями фактических данных. Без такой основы, – утверждал автор, – не может возникнуть ни одно доказательство”⁷.

Будучи убежденным, что “источник осведомленности не входит в понятие уголовно-процессуального доказательства, находится за его пределами”, он отмечал: “его необходимо учитывать при осуществлении процессуального доказывания”⁸. Подчеркивая прикладную значимость рассматриваемого понятия, В.И. Зажицкий связывал “знание и анализ источника осведомленности, условий восприятия его соответствующими лицами” с эффективностью реализации требования закона о всесторонней и объективной проверке собранных доказательств⁹. Далее в статье излагалась конкретизация обосновываемой трактовки источников осведомленности применительно к существующим видам доказательств.

Предложенное понимание источников осведомленности в теоретическом отношении было весьма уязвимым в силу внутренней противоречивости, несоответствия реальному процессу образования доказательств и уголовно-процессуаль-

¹ Профессор Академии ФСБ России, кандидат юридических наук, доцент.

² См.: Зажицкий В.И. Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании // Сов. юстиция. 1983. № 8. С. 6–8.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ См.: там же. С. 6–8.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ См.: там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: там же.

ному закону. Тем не менее, его автор продолжал настаивать на своем понимании рассматриваемого понятия¹⁰. Учитывая отмеченные обстоятельства, автор настоящей публикации вступил в полемику с В.И. Зажицким, в ходе которой на основе проведенного анализа была обоснована нецелесообразность использования в теории, законодательстве и на практике понятия “источники осведомленности” в предлагаемой трактовке¹¹.

Если кратко, то существо критических замечаний сводилось в основном к двум возражениям. *Первое* касалось вывода, согласно которому “источники осведомленности представляют собой объективную основу, на которой возникают, формируются фактические данные, являющиеся содержанием уголовно-процессуальных доказательств”. В нем отмечалось, что при таком подходе происходит подмена действительной объективной основы доказательств – существовавших, продолжающих существовать в реальности фактов, обстоятельств, предметов их связей, отношений, зависимостей, образующих в своей совокупности преступление, мнимой, не существующей основой – источниками осведомленности¹².

Второе возражение было связано с категорическим утверждением, из которого следовало, что, “прежде чем обладать фактическими данными, располагать ими”, будущие источники доказательств “должны воспринять соответствующие источники осведомленности”. В действительности указанные лица вопреки рассматриваемому утверждению воспринимают событие преступления, его различные проявления в окружающем мире, а не источники осведомленности¹³.

На критику оппонент отреагировал публикацией новой статьи¹⁴. В ней он повторил свою прежнюю аргументацию, настаивая на необходимости тщательного анализа понятия источников осведомленности, теперь уже применительно к

действующему УПК РФ¹⁵. Новизна публикации выразилась в попытке В.И. Зажицкого показать связь между источниками осведомленности и доказательствами; изменении без необходимой в таких случаях оговорки своего прежнего понимания источников осведомленности; формулировании нормативного определения понятия “источники осведомленности”; во внесении на этой основе соответствующих дополнений в УПК РФ¹⁶.

Содержащиеся в нашей статье аргументы и вывод о несостоятельности предложенной оппонентом трактовки понятия “источники осведомленности” он оценил как “попытку опровергнуть все положительные выводы и суждения”, связанные с правомочностью «распространения понятия “источники осведомленности” на все виды доказательств», преследующую цель “исключить возможность положительного отношения к данной идее”¹⁷. Не рассмотрев, не проанализировав и не опровергнув ни одного из приведенных аргументов, охарактеризовав предостережения о негативных последствиях использования в теории, законодательстве и практике судопроизводства предложенного им понимания источников осведомленности “ужасными” и “гиперболизированными”, “в достаточной мере” не аргументированными “страшилками”, оппонент счел возможным признать нашу критику “огульной и некорректной”¹⁸.

Считая оценку нашей публикации действительно бездоказательной, не корректной, излишне эмоциональной и в связи с этим неуместной для научной работы, свидетельствующей лишь о слабости отстаиваемой ее автором позиции по рассматриваемой проблеме, сосредоточим внимание на содержательной стороне дискуссии, от которой он фактически уклонился. Уклонение от дискуссии по существу, к которому в аналогичной ситуации оппонент прибегал и ранее, проявилось не только в использовании им прима умолчания, выразившегося в отмеченном выше отказе от рассмотрения, анализа и опровержения приведенной нами аргументации, но и в попытке подмены

¹⁰ См.: Башкатов Л.Н., Ветрова Г.Н., Донченко А.Д., Зажицкий В.И., Шестаков В.И. Уголовный процесс. М., 2000. С. 95; Зажицкий В.И. Понятие доказательства // В кн.: Уголовный процесс. Элементарный курс / Под ред. Л.Н. Башкатова. М., 2001. С. 100; *Его же*. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб., 2006. С. 333, 334.

¹¹ См.: Доля Е.А. К вопросу об источниках осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании (Мифы и реальность) // Росс. юстиция. 2009. № 4. С. 59–62. Статья помещена в журнале под рубрикой “Приглашение к дискуссии”.

¹² См.: Доля Е.А. Указ. соч. С. 59.

¹³ См.: там же.

¹⁴ См.: Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве // Гос. и право. 2013. № 10. С. 72–84.

¹⁵ Там же. С. 79.

¹⁶ См.: там же. С. 72, 78, 84.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Там же. Практически всеми недостатками, о которых речь идет в этой и предыдущих наших публикациях, страдает и вышедшая в 2015 г. в свет книга оппонента (см.: Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб., 2015). Учитывая данное обстоятельство, в настоящей статье детальный анализ указанной работы не приводится.

предмета дискуссии¹⁹. Автор предпринимает ее, когда отмечает, что вопреки нашему утверждению “*понятие источников осведомленности не является новым*. Оно существует в русском языке, в уголовно-процессуальном законе, а также в теории доказывания и доказательств”²⁰.

В данном случае основания для отмеченного упрека отсутствуют. В публикации, которая, по мнению оппонента, содержит критикуемое им утверждение, такого утверждения нет. В ней не отрицается общеизвестное использование словосочетания “источники осведомленности”. Речь идет о совершенно ином – ошибочности и негативных последствиях введения в научный оборот, законодательство и практику новых, не отражающих существенное в бытии уголовно-процессуальной деятельности или отражающих его в искаженном виде, а поэтому и надуманных “научных” понятий, к числу которых, по нашему мнению, относится и предложенная трактовка понятия “источник осведомленности”²¹. В том, что именно на научное определение понятия “источник осведомленности” претендует автор, свидетельствуют содержание его публикаций, в которых он настаивает на теоретической и практической значимости обосновываемого им взгляда на рас-

сматриваемое понятие, перенесение дискуссии на страницы академического журнала, введение указанного понятия в предложенной интерпретации в учебно-методическую литературу²².

Продолжая дискуссию, отметим внутреннюю противоречивость самой заявленной оппонентом установки на необходимость тщательного анализа понятия “источник осведомленности”²³. Она вошла в противоречие с его же (сделанным страницей ранее) утверждением о том, что “до сих пор ни в доказательственном праве, ни в теории доказательств... не определено понятие “источники осведомленности”²⁴. И это действительно так. Его однозначного определения не смог дать и сам оппонент²⁵. Но, если рассматриваемое понятие в теории и законодательстве не сформулировано, имеет ли смысл сама авторская установка на продолжение его тщательного анализа “в интересах науки”²⁶?

Анализируемая установка уязвима и в методологическом отношении. Поскольку теоретическое и нормативное определение рассматриваемого понятия отсутствует, научный подход с целью его выработки вопреки мнению оппонента должен заключаться не в тщательном анализе не существующего в теории и нормативных предписаниях понятия, а совершенно в ином. Действительный

¹⁹ Подобная практика была применена оппонентом при обсуждении проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, на что уже обращалось его внимание (см.: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Гос. и право. 2013. № 5. С. 37).

²⁰ Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве. С. 79. Учитывая, что теоретическое и нормативное определение понятия источника осведомленности до настоящего времени не выработано, применительно к предмету дискуссии более предпочтительным представляется употребление термина “словосочетание”, а не термина “понятие”. В настоящей статье понятие “источники осведомленности” будет употребляться, принимая во внимание отмеченное уточнение.

Использованное оппонентом словосочетание “теория доказывания и доказательств” предполагает деление единой теории доказательств на две части. Такое деление не имеет под собой соответствующих онтологических, гносеологических, правовых основ и представляется ошибочным. Правильна точка зрения авторов, исходящих из единого понятия теории доказательств.

²¹ См.: Доля Е.А. К вопросу об источниках осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании (Мифы и реальность). С. 59. С учетом отмеченного обстоятельства следует оценивать и последующую попытку оппонента представить дело таким образом, что автор настоящей статьи возражает против использования словосочетания “источники осведомленности” в принципе. Речь идет о содержании разд. 3.4. вышедшей в этом году упомянутой выше работы оппонента “Доказывание и доказательств по УПК РФ: теоретико-правовой анализ”.

²² См.: Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. С. 333, 334; *Его же*. Источники в доказательственном праве. С. 78–84, 218–232; Башкатов Л.Н., Ветрова Г.Н., Донченко А.Д., Зажицкий В.И., Шестаков В.И. Уголовный процесс. С. 95; Зажицкий В.И. Понятие доказательства // В кн.: Уголовный процесс. Элементарный курс / Под ред. Л.Н. Башкатова. С. 100; Зажицкий В.И., Левеев Ю.Е., Щербаков В.В. Сборник учебно-методических материалов учебно-методического комплекса по учебной дисциплине “Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)”. М., 2014. С. 17, 103, 106.

²³ См.: Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве. С. 79.

²⁴ Там же. С. 78.

²⁵ В одних случаях источники осведомленности им трактуются как “определенный фрагмент реальной действительности, обусловленный совершенным преступлением” (см.: Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве. С. 82), в других – как “факты или сведения, образующие содержание иных документов” (см.: там же. С. 83), в третьих – как “соответствующие объективные факторы, в силу которых источники доказательства (живые лица) становятся обладателями сведений, образующих содержание доказательств...” (см.: там же. С. 84). Неоднократное упоминание оппонентом того обстоятельства, что источниками доказательств являются живые лица, представляется неуместным. Такое упоминание имело бы смысл только в качестве контраргумента точке зрения, согласно которой источниками доказательств следует признавать мертвых.

²⁶ Там же. С. 79.

научный подход требовал выявления в ходе исследования той реальной объективной основы, опираясь на которую можно было бы сформулировать понятие “источник осведомленности”, обосновать необходимость его законодательного закрепления, использования в практической деятельности органов расследования и судов. Однако ничего из отмеченного в публикациях оппонента не присутствует.

В поисках аргументов, подтверждающих обосновываемый им взгляд на источники осведомленности, В.И. Зажицкий пошел по пути установления связи между источниками осведомленности и понятием “доказательства”²⁷. Посчитав данную связь обнаруженной, оппонент заключил, “что, исходя из правовых (ч. 2 п. 2 ст. 75 УПК РФ) и научных предпосылок, источники осведомленности не находятся за рамками общего понятия доказательства, органически связаны с ним...”²⁸. Придя к такому выводу, он вошел в противоречие со своим же утверждением, содержащимся в предыдущей публикации по данному вопросу. Согласно ему “источники осведомленности не входят в понятие уголовно-процессуального доказательства, находятся за его пределами”²⁹. В связи с этим возник-

ают два вопроса. *Первый*: какое из приведенных утверждений оппонента основывается действительно на “правовых и научных предпосылках”? И *второй*: почему автор, придя к противоположному выводу, не объяснил столь кардинального изменения своей прежней позиции?

От прямого ответа на первый вопрос имеет смысл воздержаться. Некорректно лишать оппонента возможности сделать это самому, поскольку именно ему принадлежат взаимно исключающие определения соотношения источников осведомленности с понятием “доказательства”³⁰. Что касается второго вопроса, то ответ на него хотя и в неявном виде содержится в анализируемых публикациях оппонента. Кардинальное изменение автором позиции по рассматриваемому вопросу объясняется его стремлением устранить противоречие, возникшее в первоначально предложенной им трактовке источников осведомленности между признанием их в качестве объективной основы доказательств и утверждением, что они (источники осведомленности) не входят в понятие “доказательства”, находятся за его пределами. Понимая, что объективная основа доказательств должна сохраняться всегда, отмеченное противоречие оппонент посчитал возможным преодолеть путем простого включения источников осведомленности в понятие “доказательства”.

Действительно, если, как это делает оппонент, исходить из отождествления источников осведомленности с фактами и обстоятельствами совершенного преступления, их следует признавать объективной основой доказательств. Однако, соблюдая последовательность вопреки сделанному

²⁷ См.: там же. С. 72.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ См.: Зажицкий В.И. Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании. С. 6. Та легкость, с которой оппонент меняет свои взгляды относительно соотношения понятия “источники осведомленности” и понятия “доказательства”, объясняется рядом причин. Основная из них связана с тем обстоятельством, что свое исследование он ограничивает анализом лишь соответствующих понятий, не проникающим до существа той реальной объективной основы, которая и обуславливает как потребность в этих понятиях, так в значительной мере и их содержание.

Отмеченным недостатком анализируемого исследования порождено и замечание оппонента, адресованное автору настоящей статьи, в части того, что он не обратил внимания на “существенную особенность в суждениях С.А. Шейфера”, связанную “с отсутствием критики понятия “источники доказательств” (см.: Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве. С. 77). В отличие от оппонента при рассмотрении разработанной С.А. Шейфером концепции формирования доказательств автор данной статьи пошел не по пути анализа соответствующего понятия, а сосредоточил внимание на выявлении тех причин, которыми объясняется неприятие С.А. Шейфером термина “источник доказательства”. В результате было установлено, что указанный термин в концепции С.А. Шейфера оказался не нужным в силу того, что ее автор исходит из объективного существования сведений на предметах, в следах (см.: Доля Е.А. Источник доказательства в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12. С. 5, 6). Именно этим обстоятельством объясняется отсутствие критики со стороны С.А. Шейфера понятия “источник доказательства”, необходимость и потребность в которой отрицается самой логикой его взгляда на

процесс формирования доказательств – логикой, которая автором настоящей статьи была выявлена и объяснена и которую не увидел, а поэтому и не понял оппонент, судя по его безосновательному замечанию (об этом см. также: Доля Е.А. Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). Часть 2. М., 2013. С. 52–77). Следует отметить, что в части объективного существования сведений взгляды С.А. Шейфера и В.И. Зажицкого совпадали до того момента, как оппонент после критики со стороны автора настоящих строк без объяснения причин, с присущей ему легкостью кардинальным образом изменил свою прежнюю точку зрения, забыв (как он это делает всегда) объяснить произошедшую с ним метаморфозу (подробнее об этом см.: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе. С. 26, 30–32).

³⁰ Следует лишь обратить внимание на то обстоятельство, что рассматриваемые противоположные выводы (в первой и во второй его статьях) оппонентом были сделаны, исходя из одной и той же трактовки источников осведомленности.

им выводу, включать источники осведомленности в общее понятие “доказательства” недопустимо. Одно исключает другое. Включение источников осведомленности (отождествляемых с фактами и обстоятельствами) в общее понятие “доказательства” означает, что автор такого отождествления понимает под доказательствами не сведения о фактах и обстоятельствах совершенного преступления, а сами эти факты и обстоятельства. Получается, что оппонент лишь на словах признает под доказательствами сведения (фактические данные). На деле же он исходит из понимания доказательств как фактов, обстоятельств, следов³¹.

Таким образом, и в предложенном оппонентом решении (включении источников осведомленности в понятие “доказательства”) сущностное, глубинное, внутреннее противоречие, свойственное рассматриваемой концепции источников осведомленности, осталось. Оно присуще этой концепции изначально и сохраняется в ней независимо от исключения или включения источников осведомленности в понятие “доказательства”. Анализируемое противоречие связано с методологической ошибкой, лежащей в основе и всех последующих рассуждений и выводов оппонента – отождествлением источников осведомленности с фактами и обстоятельствами совершенного преступления, его различными проявлениями. Именно эта ошибка, корни которой уходят в мировоззрение оппонента, не позволила ему быть последовательным в своих суждениях и выводах. Обусловленная мировоззрением, она приобрела системный характер и лишила его возможности предвидения того, что реализация в теории, законодательстве, на практике обосновываемого и развиваемого им понимания источников осведомленности, в основе которого лежит подмена обстоятельств совершенного преступления источниками осведомленности (а по существу

объективного – субъективным)³², перечеркивает все исторически сложившиеся представления об уголовном судопроизводстве.

При таком подходе, например, в качестве существенной части предмета теории доказательств необходимо будет рассматривать закономерности не процесса доказывания по установлению обстоятельств совершенных преступлений, а познания источников осведомленности. Сообразно этому потребует кардинального пересмотра содержание буквально всех понятий в теории доказательств³³. Существенным изменениям подвергнется и уголовно-процессуальное законодательство. На практике

³² Подмену объективного субъективным оппонент в своих работах допускает постоянно. Она имеет место при отождествлении им сведений о следах преступления с самими следами преступления, когда он отмечает, что “в ходе следственных действий... сведения (следы преступления)... с помощью соответствующих процессуальных правил и способов обнаруживаются, извлекаются из материальных носителей и фиксируются” (см.: *Зажицкий В.И.*. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. С. 352, 353). Подобного рода подмена проявляется и в его утверждении, согласно которому “при производстве следственных действий сведений никто не может порождать или создавать. Они существуют объективно, как результат взаимодействия преступления и связанных с ним обстоятельств с окружающим материальным миром” (см.: *Его же*. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. С. 351; *Его же*. Понятие использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Актуальные вопросы обнаружения преступлений с помощью негласных возможностей). Вневедомственный сб. науч. работ / Под ред. А.Ю. Шумилова. Вып. 3. М., 2000. С. 62). Эта же подмена дает о себе знать и в утверждении оппонента о том, что сведения образуют “объективную основу доказательств” (см.: *Его же*. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Гос. и право. 2010. № 7. С. 62). По существу указанная подмена лежит и в основе отрицания оппонентом идеи формирования доказательств (см.: *Его же*. Понятие использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. С. 62; *Его же*. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. С. 352, 353). Этой же подменой обусловлена и отстаиваемая оппонентом в защищенной им докторской диссертации идея, в соответствии с которой результаты оперативно-розыскной деятельности могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе. Указанная идея позднее нашла отражение в его монографии (см.: *Его же*. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. С. 353, 354, 359, 360, 363, 364–393, 438).

³³ Так, обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовным делам, необходимо будет трактовать не в качестве таковых, а понимать под ними источники осведомленности. Придется внести соответствующие изменения в понимание, трактовку и таких фундаментальных понятий, как “доказательство”, “классификация доказательств”, “вид доказательства”, “формирование (собрание), проверка и оценка доказательств”.

³¹ Так, из понимания доказательств (фактических данных) как фактов, обстоятельств, следов оппонент исходит и в вышедшей в свет в 2015 г. работе, ошибочно приписывая В.Я. Дорохову свое суждение о том, что в “соответствии с философской теорией отражения под фактическими данными следует понимать идеальные и материальные следы, которые остались в реальной действительности в результате совершения преступления” (см.: *Зажицкий В.И.* Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ С. 164). Причем делает он это повторно, несмотря на то что ранее его уже подвергали критике за указанное искажение теоретических взглядов В.Я. Дорохова. (см.: *Доля Е.А.* Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе. С. 27).

реализация предложенного понимания источников осведомленности приведет к тому, что усилия органов расследования и судов будут направлены на установление не обстоятельств совершенного преступления, а источников осведомленности.

Учитывая изложенное, высказанные в нашей предыдущей публикации опасения относительно введения в научный оборот, законодательство и практику понятия источников осведомленности в предложенной оппонентом интерпретации выглядят весьма сдержанно и корректно по сравнению с теми реальными негативными последствиями, которые могут наступить в случае воплощения новаций оппонента в жизнь. Тут уж никакой попытки со стороны автора настоящей статьи “опровергнуть все положительные выводы и суждения”, связанные с правомочностью «распространения понятия “источники осведомленности” на все виды доказательств», о которой писал оппонент, предпринимать не требуется.

Ошибки, порожденной отождествлением обстоятельств совершенного преступления с источниками осведомленности, можно было бы избежать, если бы автор анализируемого взгляда на источники осведомленности, прежде чем конструировать предложенное им понимание данного словосочетания, попытался установить смысл обращенного к свидетелю требования закона указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ)³⁴.

Каков действительный смысл рассматриваемого требования к свидетелю и потерпевшему? Почему оно адресуется только к этим лицам? Чем объяснить неупоминание законодателем требования выяснения источников осведомленности у лиц, выступающих в уголовном процессе источниками других видов доказательств? Этими вопросами оппонент не задается. Между тем их постановка и ответы на них предопределили бы необходимость (отсутствие таковой) научного определения понятия источников осведомленности, распространения его на все виды доказательств, целесообразность (нецелесообразность) внесения соответствующих дополнений в закон.

Каков же смысл словосочетания “источники осведомленности” в контексте, используемом законодателем? Представляется, что ответ скрыт в существе действия, посредством которого свидетель и потерпевший на практике в процессе до-

проса реализуют обращенное к ним предписание закона указать источник своей осведомленности. Этот вывод основывается на объективном положении. Указать на источник своей осведомленности свидетель и потерпевший могут лишь одним-единственным способом: сообщив, когда, где и как (непосредственно либо опосредствованно, т.е. со слов других лиц) ими были восприняты обстоятельства, о которых они дают (дали) показания. Другим способом анализируемое предписание исполнить невозможно. Сообщение свидетелем и потерпевшим сведений о времени, месте и о том, как ими были восприняты обстоятельства, о которых они дают (дали) показания, и означает указание ими на источник своей осведомленности.

Таким образом, *под источником осведомленности законодатель* вопреки мнению оппонента совершенно обоснованно *понимает* не факты и обстоятельства, образующие преступление (их проявления), воспринятые свидетелем и потерпевшим, о которых они дали (дают) показания, а *собираемое понятие, охватывающее сведения о времени, месте и о том, каким образом эти лица восприняли указанные факты и обстоятельства*. Сведения (доказательства), сообщаемые на допросе свидетелями и потерпевшими об известных им фактах и обстоятельствах совершенного преступления, и сведения о времени, месте, о том, каким образом им стало известно об упомянутых фактах и обстоятельствах, — это, хотя и находящиеся в связи между собой сведения, но сведения разные. Наличие связи между ними не может служить оправданием для их смешения, равно как и для подмены одних другими.

Раскрытие смысла обращенного к свидетелю и потерпевшему требования закона указать источник своей осведомленности создает предпосылки для ответа на второй поставленный выше вопрос: почему законодатель адресует его только к свидетелям и потерпевшим? Отвечая на него, следует учитывать уголовно-процессуальную природу показаний свидетеля и потерпевшего, одна из существенных особенностей которых связана с их характером и содержанием. По характеру рассматриваемые показания всегда относятся к предмету обвинения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а их объем ограничен возможностями восприятия органов чувств человека. Соответственно этому содержание показаний данных лиц составляют сведения не об их действиях, но о действиях лиц, совершивших преступление³⁵.

³⁴ Отсутствие в данном запрете указания на показания потерпевшего обусловлено несовершенством редакции закона. С учетом этого при дальнейшем изложении материала автор статьи будет исходить из того, что указанный запрет распространяется и на показания потерпевшего.

³⁵ Свидетель, потерпевший на допросе могут сообщать и о своих действиях, но эти действия не образуют преступления.

Факты и обстоятельства совершенного преступления становятся известными свидетелю и потерпевшему в результате восприятия ими не своих действий, а преступных действий, совершенных другими людьми. Обращенное к свидетелю и потерпевшему требование закона указать источник своей осведомленности, т.е. сообщить, когда, где и каким образом (непосредственно или со слов других лиц) они восприняли значимые для уголовного дела факты и обстоятельства, представляется логичным и обоснованным. В нем органично сочетаются онтологические, гносеологические и правовые основы уголовного судопроизводства. На практике посредством соблюдения анализируемого требования в процессе доказывания устанавливается связь между значимыми для уголовного дела фактами и обстоятельствами, их восприятием данными лицами и содержанием исходящих от них показаний. Учитывая существенную роль этой связи для проверки показаний, законодатель и предусматривает необходимость выяснения у названных лиц источника их осведомленности.

Ответы на два предыдущих вопроса служат ключом к ответу на третий обозначенный выше вопрос: чем объяснить неупоминание законодателем требования выяснения источников осведомленности у лиц, выступающих источниками таких видов доказательств, как показания обвиняемого и подозреваемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы³⁶? Анализ показывает, что необходимости выяснения источников осведомленности лиц, от которых исходят доказательства, относящиеся к указанным видам, нет, она не обусловлена их уголовно-процессуальной природой.

Так, одна из существенных особенностей показаний обвиняемого и подозреваемого связана с их характером. Давая показания, они сообщают о своих преступных действиях и действиях соучастников. Не распространяя требования указывать источник своей осведомленности на обвиняемого и подозреваемого, законодатель исходит из очевидного: само совершение этими лицами преступных действий обуславливает знание ими источников своей осведомленности. Давая признательные показания о совершенных ими преступных действиях, они тем самым сообщают и об источниках

своей осведомленности, т.е. о том, когда, где и в результате чего им стало известно о сообщенных преступных действиях. Поэтому выяснение у обвиняемого, подозреваемого источника их осведомленности, как правило, лишено смысла. Ему нет места в логике формирования исходящих от них показаний. Подобным же образом обстоит дело и с источником осведомленности эксперта³⁷.

Неоправданно и предлагаемое оппонентом выяснение источников осведомленности у дознавателей, следователей, судей, понятых, т.е. у лиц, являющихся источниками вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий³⁸. Прямое указание на источник их осведомленности о значимых для уголовного дела фактах и обстоятельствах, воспринятых ими непосредственно в условиях проведенных следственных (судебных) действий, содержится в соответствующих протоколах. В них отражены время, место, условия восприятия этих фактов и обстоятельств, удостоверенные подписями перечисленных лиц³⁹.

³⁷ Сама логика установленного законом порядка назначения и производства экспертизы предопределяет знание экспертом времени, места, того, каким образом он пришел к выводам, сделанным на основе проведенного им исследования в подготовленном им письменном заключении. Вне этой логики производство экспертизы осуществлено быть не может. Подтверждением данной логики являются и нормы закона, предусматривающие возможность допроса эксперта в целях разъяснения или уточнения данного им заключения (ч. 2 ст. 80, ст. 205 УПК РФ).

³⁸ Данное предложение свидетельствует о недооценке его автором роли уголовно-процессуальной формы в формировании указанных видов доказательств.

³⁹ Настаивая на необходимости выяснения в процессе доказывания источников осведомленности применительно к вещественным доказательствам, протоколам следственных и судебных действий, оппонент не учитывает еще одного обстоятельства. Следуя его рекомендации, властные субъекты уголовного процесса должны будут ставить перед самими собой вопрос о том, когда, где и как они в рамках проведенных ими действий непосредственно восприняли значимые для уголовного дела факты и обстоятельства, сведения о которых ими же были изложены и удостоверены в соответствующих протоколах. Понятно, что такой вопрос, как и ответ на него, представляется надуманным.

В тех случаях, когда при рассмотрении дела в суде возникают сомнения относительно времени, места, условий непосредственного восприятия, правильности отражения воспринятого в соответствующих протоколах, составленных органами расследования, суд по собственной инициативе или по ходатайству сторон вправе вызвать и допросить в качестве свидетелей понятых. На допросе, исходя из своего правового положения, они как свидетели обязаны будут сообщить время, место и то, каким образом ими в рамках соответствующих следственных действий было осуществлено восприятие (например, видел непосредственно сам) значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств, т.е. указать источник своей осведомленности.

³⁶ Принимая во внимание, что возражения относительно предложенного оппонентом понимания источников осведомленности авторов иных документов, были приведены в нашей предыдущей статье, излагать их еще раз не имеет смысла (см.: *Доля Е.А.* К вопросу об источниках осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании (Мифы и реальность). С. 61, 62).

Таким образом, законодатель поступил логично и обоснованно, не предусмотрев выяснения у понятых, дознавателей, следователей, судей, равно как и у обвиняемых, подозреваемых, экспертов, авторов иных документов, источников их осведомленности о фактах и обстоятельствах, сведения о которых образовали исходящие от них доказательства. В этой связи идея оппонента о необходимости распространения понятия источника осведомленности на все виды доказательств вступает в противоречие не только с логикой фактических уголовно-процессуальных отношений, но и с действующим законодательством.

Не может служить аргументом в пользу обосновываемого и развиваемого оппонентом понимания источников осведомленности и его постоянное апеллирование к тезису о том, что источники осведомленности следует учитывать при проверке доказательств⁴⁰. В силу очевидности данный тезис ни у кого не вызывает возражений. Но он ни в коей мере не подтверждает предложенной автором трактовки понятия источника осведомленности как объективной основы доказательств, отождествляемой с обстоятельствами совершенного преступления.

Отказ от обосновываемого и отстаиваемого оппонентом понимания источников осведомленности, его распространения на все виды доказательств необходим и по причинам более общего, фундаментального порядка. Будучи, как уже отмечалось, собирательным понятием, словосочетание “источник осведомленности” охватывает время, место и то, как (непосредственно или опосредствованно) лицо восприняло те или иные значимые для уголовного дела факты и обстоятельства. Анализируемое понятие (источник осведомленности) представляет собой идеальный, духовный “продукт”, который возникает (формируется, создается) в голове человека **лишь после того**, как он сам (подчиняясь собственной воле или реагируя на факторы извне) актуализирует в своем сознании образ времени, места и того, как им были ранее восприняты указанные обстоятельства. С учетом отмеченного вопреки мнению оппонента воспринять это идеальное (созданное в голове человека представление о времени, месте, способе восприятия обстоятельств), т.е. источник своей осведомленности, свидетель, потерпевший, равно как и другие лица, являющиеся источниками доказательств, не могут в принципе.

Анализируемое идеальное (источник осведомленности), как и любое идеальное, не имеет физических параметров. *Источник осведомленности, в отличие от обстоятельств совершенного преступления, недоступен восприятию людей.* Этот вывод в полной мере распространяется на всех субъектов, выступающих источниками доказательств в уголовном процессе. Только осуществив подмену обстоятельств совершенного преступления источниками осведомленности (а по существу объективного субъективным), оппонент мог прийти к ошибочному выводу, согласно которому “прежде чем обладать фактическими данными, располагать ими, свидетели, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, авторы документов, а также субъекты уголовно-процессуального доказывания... должны воспринять соответствующие источники осведомленности”⁴¹.

Признав под источниками осведомленности факты и обстоятельства совершенного преступления, отождествив доказательства с фактами и обстоятельствами, допустив возможность восприятия источников осведомленности соответствующими лицами, оппонент не мог не прийти к выводу, что с этого момента они “становятся носителями фактических данных”⁴². Вопреки этой логике в результате восприятия людьми источников осведомленности, под которыми оппонент понимает обстоятельства совершенного преступления (либо его проявления), они не становятся носителями фактических данных. Как не порождает доказательств факт совершенного преступления, так и восприятие преступления, его проявлений людьми не обуславливает того, что они становятся носителями фактических данных, т.е. доказательств (сведений об относимых к уголовному делу фактах и обстоятельствах, полученных в установленном законом порядке).

⁴⁰ См.: *Зажицкий В.И.* Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании. С. 6–8; *Его же.* Источники в доказательственном праве. С. 81–84.

⁴¹ *Зажицкий В.И.* Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании. С. 6. Если, например, в ходе допроса свидетеля выяснится, что он не воспринимал факты и обстоятельства, могущие иметь значение для уголовного дела, то вопрос об источниках осведомленности вообще не возникнет. Поэтому вопреки приведенному утверждению оппонента первичным является восприятие лицом фактов и обстоятельств, могущих иметь значение для уголовного дела. Источник осведомленности вторичен (произведен). Показательно, что в следующей статье по рассматриваемой проблеме оппонент, продолжая рассматривать источники осведомленности в качестве объективной основы доказательств, об этом своем выводе уже не упоминает (см.: *Его же.* Источники в доказательственном праве. С. 72–84).

⁴² *Его же.* Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании. С. 6.

Строго говоря, люди в принципе не могут быть носителями любой социальной информации (сведений). Они являются ее источниками, но не носителями. Это принципиальное положение в полной мере распространяется и на доказательство (фактические данные, сведения). Например, очевидец преступления не становится носителем фактических данных с момента восприятия преступления, не приобретает он качество такового и в момент дачи показаний на допросе, когда излагает сведения о воспринятом преступлении. Не является он носителем указанных данных и после дачи показаний.

Между восприятием лицом значимых для уголовного дела обстоятельств и возникновением исходящих от него фактических данных (сведений) об этих обстоятельствах (доказательствах) всегда существует интервал. В границах этого интервала происходят формирование в сознании лица первоначального образа воспринятого и его запоминание (сохранение), последующая актуализация в ходе допроса сохраненного образа⁴³, сопровождающаяся созданием на его основе под воздействием допрашивающего нового образа ранее воспринятых обстоятельств, содержание которого в виде сведений, представляющих собой доказательство, отделяется от их источника — допрашиваемого лица⁴⁴. Именно в момент отделения в устной или письменной форме сведений от соответствующего лица (источника доказательства) заканчивает-

ся формирование доказательства, и оно возникает как целостное явление⁴⁵.

Этот интервал имеет место, когда формируются такие виды доказательств, как показания свидетеля и потерпевшего, показания обвиняемого и подозреваемого, заключение эксперта, иные документы. Он наличествует и при формировании вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий. Во всех случаях существование данного интервала неоспоримо.

Восприятие очевидцами совершенного на их глазах преступления, равно как и восприятие обстоятельств и фактов, имеющих значение для уголовного дела доступных непосредственному восприятию властных субъектов уголовного процесса и понятых только в условиях проводимых следственных (судебных) действий, порождает в их сознании лишь образы воспринятого. Но образы — это не фактические данные, не сведения о значимых для уголовного дела обстоятельствах, воспринятых людьми. Чтобы убедиться в правильности данного утверждения, достаточно мысленно воспроизвести любой образ воспринятого ранее, например, предмета. При этом в нашем сознании в результате указанного эксперимента возникают не фактические данные, не сведения, не тексты о воспринятом предмете и не сам предмет, а его образ⁴⁶. Сведения (фактические данные) — это то, с помощью чего содержание своих образов человек выражает вовне, используя устную или письменную форму⁴⁷.

⁴³ На уровне исследования реализованного в настоящей статье вывод о последующей актуализации допрашиваемым лицом сохраненного им образа нельзя считать окончательным. Автор статьи допускает, что сохранение (запоминание) первоначально сформированного лицом образа воспринятого вообще не имеет места. Можно, видимо, говорить не об актуализации первоначального образа, а об актуализации соответствующей системы нейронных связей, возникшей в мозге человека при формировании им в своем сознании первоначального образа воспринятого. Используемое в публикации словосочетание “первоначальный образ” следует трактовать, принимая во внимание отмеченное допущение.

⁴⁴ В статье из-за ограниченности ее объема не рассматриваются ситуации, когда лицо, восприняв те или иные обстоятельства, еще до допроса самостоятельно или по просьбе других лиц актуализирует в своем сознании образ воспринятых обстоятельств, прежде чем сообщить сведения о них другим лицам. Актуализация первоначального образа (соответствующей системы нейронных связей) может иметь место и без изложения сведений о нем. Одна из важнейших задач, стоящих перед дознавателем, следователем, судьей, состоит именно в том, чтобы, например, в рамках допроса обеспечить актуализацию допрашиваемым именно первоначального образа воспринятых им обстоятельств.

⁴⁵ Чтобы появилось доказательство, его надо сформировать. Представление оппонента, согласно которому с момента восприятия лицом источников осведомленности оно становится носителем фактических данных (доказательств), исключает необходимость их формирования. Зачем формировать то, что уже есть? Исходя из этой ошибочной логики, оппонент и отрицает идею формирования доказательств.

⁴⁶ По этой причине глубоко ошибочным было предложение, содержащееся в ст. 147 проекта Общей части УПК РФ, подготовленного авторским коллективом под руководством С.А. Пашина. В соответствии с ним под доказательствами предлагалось понимать “любые законно полученные судом или стороной предметы, документы и другие материалы...” (см.: Росс. юстиция. 1994. № 9). Анализируемая интерпретация доказательства учитывала только его онтологическую и соответствующую правовую природу. При этом вне поля зрения оставался гносеологический аспект доказательства (Об этом см. также: *Доля Е. А.* Проект Общей части УПК Российской Федерации: критический анализ // Гос. и право. 1995. № 5. С. 85, 86).

⁴⁷ По существу аналогичная картина имеет место и при опосредствованном восприятии людьми обстоятельств совершенного преступления, когда о данных обстоятельствах они узнают со слов других лиц. Воспринимая исходящие от данных лиц сведения, они формируют в своем сознании не воспринятые ими сведения (по терминологии оппонента, фактические данные), а образы тех обстоятельств, о которых они узнали со слов соответствующих лиц.

Носителями фактических данных лица не становятся и после изложения ими в условиях соответствующих следственных и судебных действий сведений об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Всякий раз, когда впоследствии они по собственной воле или инициативе других лиц будут сообщать сведения о данных обстоятельствах, они не смогут сделать этого, не создав прежде в своем сознании образ того, о чем будут говорить или писать, и не изложив сведения о данном образе в устной или письменной форме⁴⁸. Другими словами, сообщаемые ими сведения появятся в бытии только после того, как эти сведения в устной или письменной форме отделятся от них (лиц, от которых они исходят). Именно поэтому человек является источником сведений (доказательств, фактических данных) но не их носителем⁴⁹. Только заняв в уголовном процессе соответствующее правовое положение, лицо может стать источником доказательств. Человека можно признать лишь условно “носителем”, “хранителем” образов, но не сведений⁵⁰.

⁴⁸ Недопониманием отмеченного объясняется господствующее среди специалистов представление о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе.

⁴⁹ Ранее автор данных строк проявлял непоследовательность, разделяя представление, что свидетели, равно как и потерпевшие, обвиняемые, подозреваемые, являются носителями фактических данных (см.: *Доля Е.А.* К вопросу об источниках осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании. С. 60). Углубленный анализ процесса формирования доказательств (сведений) позволил понять непоследовательность и ошибочность такого представления и обосновать излагаемую в настоящей статье позицию по рассматриваемой проблеме (подробнее об этом см.: *Его же.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 92–94, 101; *Его же.* Источник доказательства в уголовном судопроизводстве. С. 5–8; *Его же.* Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: *Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики. Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). Часть 2.* С. 52–77; *Его же.* Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // *Законность.* 2012. № 10. С. 47, 48; *Его же.* Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе. С. 27, 28).

⁵⁰ Иную точку зрения по данному вопросу разделяет Л.Т. Ульянова, полагающая, что наиболее распространенным носителем информации (сведений) следует считать человека (см.: *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. Учеб. пособие. М., 2008. С. 95, 100, 102). Ранее В.Я. Дорохов допускал возможность использования для обозначения лица, от которого исходит доказательство, наравне с термином “источник доказательства” и термин “носитель доказательства” (см.: *Теория доказательств в советском уголовном процессе.* М., 1973. С. 213).

Следует отметить и крайнюю непоследовательность автора в его понимании источников осведомленности. В своей первой публикации по рассматриваемой проблеме он неоднократно отождествляет их с фактами и обстоятельствами совершенного преступления, отмечая, что в результате восприятия этих источников “осведомленности лица... становятся носителями фактических данных”⁵¹. В следующей публикации В.И. Зажицкий, придерживаясь отмеченной трактовки источников осведомленности⁵², без объяснения причин вносит существенное изменение в свое понимание рассматриваемого словосочетания. Это изменение прямо следует из предложенного им нормативного определения понятия источников осведомленности, которым он завершает свою публикацию и полагает целесообразным дополнить ст. 5 УПК РФ. Согласно данному определению источники осведомленности – это “соответствующие объективные факторы, в силу которых источники доказательства (живые лица) становятся обладателями сведений, образующих содержание доказательств”⁵³. В результате автор вступил в противоречие с излагавшимся им ранее пониманием источников осведомленности, которые им отождествлялись с фактами и обстоятельствами совершенного преступления.

Столь существенное изменение во взгляде на источники осведомленности, породившее указанное противоречие, требовало от автора кроме необходимого в таких случаях объяснения изменения своей позиции раскрытия смысла использованного им словосочетания “соответствующие объективные факторы, в силу которых источники доказательств... становятся обладателями сведений, образующих содержание доказательств”. Не сделав этого, оппонент оставил широчайший простор для толкования на практике сформулированного им нормативного определения понятия источников осведомленности. По сути, он предложил правоприменителям не только решать вопрос о том, что следует рассматривать в качестве соответствующих объективных факторов, “в силу которых” лица “становятся обладателями сведений, образующих содержание доказательств”, но

⁵¹ *Зажицкий В.И.* Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании. С. 6.

⁵² Так, в одном из абзацев своей статьи автор утверждает: “Вполне определенный фрагмент реальной действительности, обусловленный совершенным преступлением, и будет являться источником осведомленности для следователя и понятых” (см.: *Зажицкий В.И.* Источники в доказательственном праве. С. 82).

⁵³ Там же.

и самим определиться в понимании понятия “источники осведомленности”.

Учитывая, что оппонент не отказался от своей прежней трактовки источников осведомленности (как обстоятельств и фактов совершенного преступления) и не объяснил причин изменения своего взгляда на это понятие в данном им нормативном определении⁵⁴, высока вероятность того, что на практике это обернется путаницей. Правоприменители, как и оппонент, либо станут смешивать сведения о фактах и обстоятельствах, образующих преступление, со сведениями, с помощью которых соответствующие лица будут выполнять требование закона о необходимости указывать источник своей осведомленности, либо начнут произвольно трактовать предложенное нормативное определение источников осведомленности как объективных факторов, “в силу которых” лица “становятся обладателями сведений”.

Анализируемое нормативное определение источников осведомленности порождает еще одно противоречие. Из него следует, что появление источников доказательств его автор связывает с моментом восприятия соответствующими лицами значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств. Но, определяя так время возникновения источников доказательств, оппонент противоречит тому, что им неоднократно и в категорической форме утверждалось в этой же публикации ранее, а именно: “источник доказательства появляется только после получения доказательства следователем и судом”⁵⁵.

Нельзя поддержать и второе предлагаемое оппонентом дополнение закона – включение в ч. 2 ст. 75 УПК РФ нового самостоятельного пункта, согласно которому под недопустимыми доказательствами необходимо понимать “*доказательства, содержащие сведения, источник осведомленности которых неизвестен*”⁵⁶. Оно ошибочно по существу и находится в явном противоречии с действующим законом. Из буквального

толкования предложенного текста следует, что требование указывать источник осведомленности его автор вопреки логике адресует не к лицу, занимающему определенное правовое положение (источнику доказательств), а к сведениям. В результате рассматриваемое требование вступило в прямое противоречие с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому оно должно быть обращено к свидетелю и потерпевшему.

Кроме отмеченных недостатков следует обратить внимание оппонента на ошибочность и некорректность части его суждений, касающихся существующих в теории взглядов на понятие “источник доказательства”.

Прежде всего это относится к утверждению о наличии некоторых противоречий в суждениях В.Я. Дорохова, согласно которым “источник доказательства должен быть известен органам расследования, суду... Знание источника обеспечивает возможность проверки доказательства... Проверка доказательств, источник которых неизвестен суду (например, при помощи других совпадающих с ними фактических данных), не устраняет сомнения в их достоверности ввиду того, что вопрос о причинах совпадения остается открытым”⁵⁷. Наличие противоречий в приведенных суждениях, по мнению оппонента, обусловлено тем, что, исходя из предложенного понимания источника доказательства “как конкретного лица, занимающего... определенное процессуальное положение... исключалась ситуация, когда доказательство получено, но в целях его проверки можно было устанавливать его источник”⁵⁸. Для устранения этих “некоторых противоречий” оппонент посчитал необходимым уточнить приведенные выше суждения В.Я. Дорохова.

Трудно понять суть предлагаемых оппонентом уточнений, поскольку их существо в тексте статьи не раскрывается. Но дело даже не в этом. В приведенных выше суждениях В.Я. Дорохова отмеченного оппонентом противоречия не содержится. Его там просто нет. Убеждение оппонента в наличии несуществующего противоречия обусловлено кажущимся ему очевидным и выраженным им неоднократно в категорической форме представлением о том, “что источник доказательства появляется только после получения доказательства следователем и судом. Не было доказательства –

⁵⁴ Отмеченное изменение в трактовке понятия источника осведомленности свидетельствует, что критические замечания автора настоящей статьи, содержащиеся в предыдущей публикации, не прошли для оппонента бесследно. Фактически они были им учтены, что и привело к изменению его взгляда на понимание данного понятия. Чтобы убедиться в обоснованности этого вывода, достаточно сопоставить содержание статей оппонента по проблеме источников осведомленности (1983 и 2013 гг.) и критические замечания, высказанные автором этих строк в статье, опубликованной в 2009 г.

⁵⁵ См.: *Зажичкий В.И.* Источники в доказательственном праве. С. 74, 75, 77.

⁵⁶ Там же. С. 84.

⁵⁷ *Дорохов В.Я.* Понятие источника доказательств // В кн.: *Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе.* М., 1981. С. 10.

⁵⁸ *Зажичкий В.И.* Источники в доказательственном праве. С. 74.

не могло быть и его источника”⁵⁹. Но очевидное оттого не является доказанным. Содержание фактических уголовно-процессуальных отношений, норм закона, которыми они регулируются, свидетельствует об ошибочности рассматриваемого очевидного представления.

Вопреки мнению оппонента источники всех видов доказательств при производстве по уголовным делам в действительности появляются до получения исходящих от них доказательств⁶⁰. Например, свидетель приобретает правовой статус источника доказательств не после дачи показаний, а с момента получения уведомления о вызове на допрос⁶¹. Следование в теории, законе и на практике представлению оппонента о появлении источника доказательства только после получения доказательства поставит с ног на голову всю теорию доказательств, приведет к таким изменениям закона, которые блокируют собирание (формирование) доказательств и исключают саму возможность осуществления правосудия.

Исходя из отмеченного, никакой необходимости в уточнении взглядов В.Я. Дорохова относительно обоснованного им понимания понятия источника доказательств и его значения для проверки доказательств нет. Возникшая у оппонента потребность в данном уточнении может быть объяснена поверхностным прочтением им текстов указанного автора, недопониманием действительного смысла и назначения норм закона, регулирующих правовое положение источников доказательств в уголовном судопроизводстве, механистическим представлением о происхождении доказательств, отказом от учета взаимосвязи между онтологическими, гносеологическими, правовыми основами доказательств и процесса доказывания. Учитывая, что ошибочную интерпретацию научных взглядов В.Я. Дорохова оппонент допус-

кает неоднократно⁶², можно констатировать, что она приобрела системный характер.

Оппонент искажает взгляды и автора настоящей статьи, когда утверждает, что «Е.А. Доля солидаризируется со взглядом исследователей, согласно которому термин “источники доказательств” можно сохранить в теории лишь для обозначения носителей доказательственной информации, каковыми являются свидетели..., а также предметы материального мира, сохранившие на себе следы исследуемого события»⁶³. Отмеченная солидарность (в части того, что предметы, как и лица, являются носителями доказательственной информации) нами никогда и ни в какой форме не проявлялась. Поэтому признавать “непродуктивным” и критиковать следовало бы не приписанный нам взгляд, а взгляд тех авторов, которые в действительности его придерживаются. Именно такой взгляд прежде разделял, в частности, и сам В.И. Зажицкий⁶⁴.

Судя по анализируемой публикации, под воздействием нашей критики автор поменял свою позицию в данном вопросе⁶⁵, но в свойственной ему манере не оговорил этого, как это принято делать в таких случаях, следуя научной этике⁶⁶. Сделай он соответствующую оговорку, и отпала бы необходимость в использованном им весьма и весьма сомнительном обосновании непродуктивности “нашего” взгляда ссылкой не на первоисточник, а на работу С.А. Шейфера.

О том, что оппонент осознано прибегает к описанному выше, мягко выражаясь, некорректному способу цитирования, свидетельствует и его поддержка предложения автора настоящей публикации о дополнении УПК РФ отдельной

⁵⁹ Там же. С. 74, 75, 77.

⁶⁰ В связи с этим критика оппонентом позиции В.А. Лазаревой по рассматриваемому вопросу является ошибочной (см.: там же. С. 75).

⁶¹ Именно из такой, а не предложенной оппонентом последовательности исходит законодатель, устанавливая основания вызова свидетеля на допрос, определяя его правовой статус, время разъяснения прав, обязанностей, ответственности, порядок допроса, возможность принудительного доставления в органы расследования или в суд (ст. 56, 187–191 УПК РФ). Более того, закон признает свидетеля источником доказательств даже в тех случаях, когда он отказывается от дачи показаний. Этим объясняется уголовная ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ).

⁶² Об этом см.: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе. С. 27; Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. С. 209.

⁶³ См.: Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве. С. 77.

⁶⁴ Ошибочно отождествляя сведения о следах преступления с самими следами преступления (а по сути доказательства со следами преступления), он утверждал, что “в ходе следственных действий... сведения (следы преступления)... с помощью соответствующих процессуальных правил и способов обнаруживаются, извлекаются из материальных носителей и фиксируются” (см.: Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. С. 352, 353).

⁶⁵ См.: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе. С. 26.

⁶⁶ Подобным образом оппонент поступал неоднократно и раньше, на что также обращалось его внимание (см.: там же. С. 30–32).

статьей, посвященной источникам доказательств⁶⁷. В предлагаемой статье отсутствует даже намек на то, что ее автор относит к числу так называемых “носителей доказательственной информации... предметы материального мира, сохранившие на себе следы исследуемого события”⁶⁸. Трудно предположить, что, соглашаясь с нашей идеей, выраженной в рассмотренном дополнении закона, оппонент не осознавал, что его автор не включает в круг источников доказательств “предметы материального мира”. Получается, что он целенаправленно прибегает к отмеченному способу цитирования (тем самым в основном тексте вводит в заблуждение читателей) для того, чтобы после этого признать наш взгляд “непродуктив-

ным” и подвергнуть его “сокрушительной” критике. Но кому нужна такая критика⁶⁹?

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Предложенное В.И. Зажицким двойственное понимание источников осведомленности, в основе которого лежит их отождествление с обстоятельствами и фактами совершенного преступления либо с объективными факторами, в силу которых соответствующие лица становятся обладателями сведений, образующих содержание доказательств, является ошибочным. Оно не соответствует ни онтологической, ни гносеологической, ни правовой основам не только формирования доказательств, но и процесса доказывания в целом.

Под источниками осведомленности в уголовном судопроизводстве следует понимать собирательное понятие, включающее сведения о времени, месте и о том, каким образом свидетели и потерпевшие восприняли значимые для уголовного дела факты и обстоятельства, о которых они дали (дают) показания.

⁶⁷ См.: *Зажицкий В.И.* Источники в доказательственном праве. С. 77. Показательно, что согласие с необходимостью установления законодательного перечня источников доказательств оппонент выразил не в основном тексте своей статьи, а в подстрочнике.

⁶⁸ Согласно ч. 1 этой статьи “Источниками доказательств являются подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт, понятой, дознаватель, следователь, судья, автор иного документа, от которых в ходе производства следственных и судебных действий, являющихся способами формирования доказательств, исходят относимые к уголовному делу сведения” (см.: *Доля Е.А.* Источник доказательства в уголовном судопроизводстве. С. 8). При ссылке на данную статью оппонент допустил две ошибки в ее названии.

⁶⁹ Глубина порочности данной критики подтверждается и тем обстоятельством, что в одном и том же абзаце (но уже в подстрочнике) оппонент, прежде чем поддержать наше предложение о введении в УПК РФ статьи об источниках доказательств, пишет о том, что автор настоящих строк “обоснованно разделяет... взгляд на источники доказательств как живых лиц” (см.: *Зажицкий В.И.* Источники в доказательственном праве. С. 77).